

**К ВОПРОСУ О НАКАЗАНИЯХ ЖЕНЩИН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

© 2014

О.Р. Данилова, аспирант*Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск (Россия)*

Ключевые слова: женщина; социум; наказание; бытовое насилие; социальные ценности; ценностные установки; девиантное поведение; брак; законодательство.

Аннотация: В статье дан анализ научных изысканий в отношении сущности девиантного поведения как отклонения от нормы моральной или правовой через понимание общественных ценностей и личностных ценностных ориентаций. Происходящее механическое бездумное слияние коллективного и индивидуального сознания формирует аномалии поведения, которые надолго закрепляются и с трудом трансформируются. Аномалиями такого рода являются физическое насилие и причинение тяжкого вреда здоровью человека. На основании этого в статье раскрывается суть и особенности бытового насилия, истязания женщин как типа девиантного поведения среди российского населения второй половины XIX – начала XX вв. Особое внимание обращается на отношение к данному феномену в обществе с точки зрения бытового права, законодательных и социально-правовых новаций складывающегося буржуазного общества, в котором сохранялось гендерное и сословное неравенство. Мужская часть населения, проявляя морально-физическое давление, оставалась диктатором определенной модели поведения женщины, где она оставалась зависимой, послушной и угождающей. В статье анализируется отражение феномена насилия на женщинах Дальнего Востока. На основании привлечения ряда источников отмечаются особенности проявления этого феномена, характерные для населения Российской империи, анализируется отношение женщин к личному благополучию и здоровью с позиции пострадавшей от истязания. Отмечается увеличение числа случаев насилия над женщинами в крестьянской среде по ряду социальных причин в данном сословии. Показано, что при определенных условиях насилие становится нормой, обыденным явлением повседневной жизни и в этом регионе его распространение определяется характеристиками конкретного социума или культуры.

Девиантное поведение исследуется в различных областях гуманитарного знания. Существует общее понимание девиантного поведения как отклонения от нормы – моральной или правовой. Одним из вариантов девиантного поведения является физическое бытовое насилие, в том числе насилие в семье по отношению к женщине. Высокая степень бытового насилия имеет место на всех этапах исторического развития общества. Степень и распространенность этого явления определяются характеристиками конкретного социума. И здесь мы подходим к рассмотрению личностных характеристик девиантной личности, таких как «ценность» и «ценностные установки».

Современный психологический словарь трактует ценностные установки как важный компонент мировоззрения личности, выражающий предпочтения и стремления в отношении тех или иных человеческих ценностей, таких, например, как здоровье и благополучие [1, с. 579]. Такое понимание ценностей и их роли в социальном развитии сформировалось прежде всего в западных школах.

Появление гуманистической социологии и психологии в 20–60-х гг. XX в. выделило на первый план личность, наделенную свободой, ценностями, ответственностью. Именно ценности человека направляли его деятельность. С этого момента исследователи во всем мире стали задаваться вопросом: что же может являться ценностями для личности и как на основании этого формируются установки в поведении?

Представители Чикагской школы социологии У. Томас и Ф. Знанецкий раскрывали ценности через понятия общественной значимости и социальной установки, от которых отталкивались в рассмотрении девиантного поведения в условиях роста городов. Основатель гуманистической психологии А. Маслоу подходил к пониманию ценностей через построение иерархии

потребностей, мотивирующих человека к свершению тех или иных поступков. Важным моментом в теории Маслоу выступает понятие «метапотребностей», метамотивами которых становятся бытийные ценности, такие, например, как добро, порядок, уникальность, справедливость, то есть все то, что должно составлять сущность человека. Эти ценности универсальные, а культура – фактор, влияющий на их актуализацию, которая может и не произойти [2, с. 27]. Следовательно, полноценно развивающаяся личность не принимает слепо культуру, в которой живет, она умеет разграничивать хорошее и плохое.

К. Роджерс также утверждал, что человек изначально добр и содержит в себе возможности к самоактуализации. Но социум стремится навязать ему чуждые ценности, заставляя отказаться от собственных, что приводит порой к аномалиям поведения, иначе – девиациям. Э. Дюркгейм видел в этом проявление механической солидарности, когда происходит поглощение коллективным сознанием индивидуального и превосходство над интересами человека [3, с. 16].

В России многие научные взгляды были обобщены в рамках «культурно-исторической психологии» Д.А. Леонтьевым, утверждающим, что человек не просто находится в обществе, «но и строит себя из него как из строительного материала» [4, с. 37]. Культура и общество – внутренние присвоенные элементы личности. И, в отличие от действующих в данный момент потребностей, ценности для личности неизменные, закрепленные элементы. Если ценности проявляются на культурном и социальном уровнях, то ценностные ориентации – на индивидуальном.

Таким образом, в современной психологии личности и социальной психологии сложилось понимание того, что девиантными становятся люди, социализация которых проходит в среде, где факторы, предраспола-

гающие к такому поведению (насилие), считаются нормальными или общество относится к ним достаточно толерантно [5, с. 152].

Следовательно, для понимания любых аспектов девиантного поведения необходим анализ как общественных ценностей, так и личностных ценностных установок или ориентаций.

Середина XIX в. становится временем кардинальных перемен в Российской империи. На законодательном уровне закрепляются новые буржуазные нормы жизнедеятельности. Вместе с тем в пореформенной России все также сохранялись сословные и гендерные различия, положение женщин продолжало определяться в большей степени сложившимися традиционными нормами, нежели социально-правовыми новациями. В большинстве случаев это касалось девичьего поведения до замужества или на правах супруги. Гендерные модели поведения женщин на всех этапах жизни ограничивались жесткими рамками. Общественной ценностью было добрачное целомудрие, супружеская верность, умение подчиняться, которые поддерживались церковью, системой образования, литературой. Наличие жестких социальных установок, регламентирующих поведение женщины, повышало ее ответственность за их соблюдение. Степень ответственности была различной для представительниц разных социальных слоев. Наиболее жестко нарушение норм каралось в крестьянской среде. Представительниц более высоких социальных слоев многие проблемы обходили стороной. Так, Н. Пушкарева отмечает в своем исследовании, что недостаток невесты при замужестве покрывал отсутствие в ней целомудрия [6, с. 193].

Свидетельством разложения традиционных норм являлась практика оправдания обществом добрачных связей и супружеских измен с представителями более высоких социальных слоев. Если же, напротив, девушка из простой семьи не была целомудренной до брака с мужчиной низкого статуса, да еще и по любви, общество всячески ее осуждало.

Наказания для провинившейся были самые разные. Измазывание дегтем ворот «нечестивой», пускание слухов или отрезание косы казалось везением в сравнении с телесными наказаниями и моральными унижениями, которые порой считались обязательными, традиционными. В Российской империи встречались случаи избияния жены плеткой за несохранение девственности, сажание возле церкви на кандалы, привязывание за руки, совершенно раздетой, к лошади и пускание через всю деревню под удары плетки по спине, впрягание в борону, купание на аркане в проруби, подвешивание вниз головой и обхаживание плетью. Наказать могли мать нечестивой или сваху – сводницу. Но не всякий мужчина выставлял напоказ свой позор, поэтому «воспитательная работа» проходила дома в виде избиваний. Иногда занималась воспитанием неверной свекровь, например, загоняя жену сына, потерявшую до брака невинность, на колени под стол и каждый раз ударяя ее по лицу, как только та высовывала голову. Прощение к несчастной приходило со стороны мужа, решавшего прервать процесс и усадить ее около себя за стол [6, с. 195]. Наконец, свекор советом периодически покалчивать невестку мог учить сына поддерживать в доме нравственный порядок семьи.

Уровень бытового насилия зависел и от преобладающих ценностных установок мужской части населения, которые однозначно требовали защиты от позора. Причиной уязвленного самолюбия мужа мог стать отказ жены в близости с ним. Отказаться женщина могла из-за отсутствия теплых чувств к мужу, связано это было с поведением последнего уже в брачном союзе. Конечно, с точки зрения законодательства конца XIX – начала XX вв. брак не мог быть совершен без взаимного согласия сочетающихся лиц. Но нередко девушки становились женами, не зная крутых нравов будущих супругов, по родительскому сговору. Тем более что незамужняя девушка считалась позором для родителей и без мужа не имела ценности, так что вступление в брак считалось меньшим из зол [7, с. 25]. И тогда следствием становились побои и домашнее изнасилование.

Судебная практика исходила из того, что мужа не должны признаваться субъектами изнасилования, так как имеют право на удовлетворение своих половых потребностей. Ответственность мужчина нес только за телесные увечья [8, с. 54]. Уложением о наказаниях 1885 г. предусматривалось наказание за умышленное или преднамеренное нанесение увечий в виде лишения всех прав состояния, ссылки, определения в арестантские отделения. Ст. 1491 Уложения акцентировала внимание на строжайшем наказании «за нанесение беременной женщине заведомо и с умыслом увечья... или же побоев или истязаний или иных мучений, если последствием сего будут преждевременные роды и смерть ее младенца». В остальном же законодательство сводилось к тому, что «дела о нанесении одним супругом другому ран, увечья, тяжких побоев, или других истязаний или мучений, возбуждаются общим порядком уголовного судопроизводства» в случае особо серьезных увечий (лишение частей тела или, например, зрения, рассудка), а при их отсутствии «дела начинаются не иначе, как по жалобе самого потерпевшего супруга или его родителей» (ст. 1496) [9, с. 164–165].

В итоге, если жертва могла продолжать свою жизнедеятельность, имея лишь следы побоев на теле, либо не была в беспамьятстве, лишившись рассудка, случаи такие оставались в рамках семейных ссор, куда посторонним было запрещено вмешиваться, либо таким случаям не придавали особого значения, снова приписывая их к разряду семейных разборок.

Российский публицист и критик В.В. Розанов на страницах своего труда «Семейный вопрос в России» 1903 г. приводил примеры произвола мужей, терзавших своих жен. В одних случаях дела заканчивались судом, другие же закон обходил стороной. Ценность жизни женщин определялась ее хорошим поведением, полным повиновением любой прихоти мужей [10, с. 187–191].

Подобные случаи мы находим и в действительности Амурской области конца XIX – начала XX века. На страницах местной печати не раз были описаны случаи нападения и физической расправы мужчин над своими женами. С 1898 г. «Амурская газета» публиковала единичные репортажи, фиксировавшие принижение статуса женщин [11, с. 1558; 12, с. 55]. Но за один только 1902 г. публикации данного характера увеличиваются в количестве и регулярно публикуются. В той же «Амурской газете» встречается заметка под названием «Дикая расправа», в которой прописана сцена

зверского отношения мужа к жене: «...муж повалил на землю жену, привязал ее косою за перекладину барьера и стал тянуть за ноги, пока не оторвал половину косы» [13, с. 658]. Несмотря на побои, женщина после расправы спокойно села в повозку вместе с истязателем и уехала. На тот момент оба находились в состоянии алкогольного опьянения, что в некоторой степени объясняло агрессивное поведение мужа и, возможно, последующее спокойствие и послушание жертвы, чего не скажешь о пассивном поведении сторонних наблюдателей, находившихся на месте, даже не попытавшихся остановить действия обидчика.

Очевидцы оказывали противодействие разъяренному мужчине зачастую только в тех случаях, когда жертве грозила неминуемая смерть. При этом мужчина проявлял недюжинное стремление наказать женщину: «вынул из кармана небольшой нож и воткнул его в бок жены...», «не слушая оправданий стал бить, повалил на землю и пытался очевидно или зарезать или задушить...», «...стал в иступлении наносить удары ножом куда попало, насытившись и считая свою жертву уже мертвой, исчез», «взяв из кладовушки топор ударил им жену по спине: она выбежала на двор, обливаясь кровью, он за ней и продолжал наносить ей удары; после удара в голову она упала, два раза топор выпадал из его рук, но он его подымал и принимался снова...» [14, с. 1122; 15, с. 2304; 16, с. 2617; 17, с. 134].

Встречались случаи, когда на суде жертва после нанесенных ей мужем увечий старалась оправдать своего обидчика, что могло означать незлобливость и жертвенность женщин. Одна из таких потерпевших несколько раз обращалась к защитнику мужа с заявлением, что прощает его и хочет жить с ним по-прежнему, в подобном деле другая пострадавшая заявляла, что также не испытывает желания обвинять мужа и не желает наказания для него.

В этом случае женщина, даже если она была искалечена, оценивала свою жизнь ниже, чем жизнь и судьбу мужчины. Причины этого явления кроются, скорее всего, в традиционализме мышления женщин менее образованных и состоятельных, которым общество и старое право диктовало особые нормы поведения, где жена обязана подчиняться мужу своему в браке, считающемся неразрывным. Таким образом, ценностные ориентации женщин относительно жизни и здоровья определялись не личностным рационализмом, а коллективным сознанием с его закоренелыми, иногда отсталыми взглядами. Жизнь и здоровье женщины в сравнении с мужчиной составляли меньшую ценность в глазах общества, которое не осознавало в такой оценке отклонения. Большая часть общества, по сути, находилась в состоянии застоя, оправдывая девиантное поведение мужчин, не принимая всерьез цивилизационные государственные законы, а значит, высшие бытийные ценности. Телесные наказания для неверных или не угодивших в чем-либо законному супругу женщин оставались нормой. Конечно, жертва наказания могла заявить на истязателя в полицию, но часто не делала этого, законы старого права в этом случае выигрывали в сознании людей перед законами государственными.

Понятие справедливости или наказания приобретало гендерную окраску, разбивая все население страны на две части: мужчин и женщин, где первые явно выиг-

рывали перед вторыми. Ценностями часто становились материальные блага, личное благополучие и репутация, диктуемые мужским самолюбием, которые могли оправдать любой проступок. Случаи прямого насилия происходили чаще в деревнях, где традиционализм поведения был закреплен прочнее, а осознание нормы и отклонения иногда противоречили их рациональному обоснованию. Городское население жило по цивилизационным законам писаного права, а значит, и надзор здесь был выше, что вело к переоценке таких вещей, как человеческая жизнь и здоровье, пусть даже провинившейся женщины. И нанесение тяжкого вреда женщине становилось не нормой, а видом девиантного поведения, караемого законами Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 633 с.
2. Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 343 с.
3. Котлова Т.Б., Добрынина А.М., Яковлева И.Я. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (К вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX – XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1-2. С. 11–25.
4. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1997. № 1. С. 35–44.
5. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ Москва ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
6. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.) / под ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011. С. 190–214.
7. Васильченко О.А. Семейно-брачные отношения дальневосточного крестьянства в середине XIX–начале XX века // Научно-методические проблемы гуманитарных наук : сб. науч. тр. Ч. 1. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. техн. ун-т, 1999. С. 24–25.
8. Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 года // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 6. С. 46–58.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Т. XV. // Свод законов Российской империи в пяти книгах / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 5. Т. XIII-XVI. СПб.: Деятель, 1912. 262 с.
10. Розанов В.В. Семейный вопрос в России : Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия. Том I. СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. 312 с.
11. Из залы суда // Амурская газета. 1898. № 45. С. 1558.
12. Покушение на убийство // Амурская газета. 1898. № 2. С. 55.

13. Дикая расправа // Амурская газета. 1902. № 25. С. 658. 15. Покушение на убийство // Амурская газета. 1902. № 87. С. 2304.
14. Из залы суда // Амурская газета. 1902. № 42. С.1122. 16. Убийство // Амурская газета. 1902. № 98. С. 2617.
17. Из залы суда // Амурская газета. 1902. № 5. С. 134.

**TO THE QUESTION OF PUNISHMENT OF WOMEN
IN THE FAR EAST IN THE SECOND HALF OF THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES**

© 2014

O.R. Danilova, postgraduate student
Far East State Agricultural University, Blagoveshchensk (Russia)

Annotation: The article analyses scientific researches regarding essence of deviant behavior as moral or legal aberration through understanding of social values and personal valuable orientations. Mechanical thoughtless merge of collective and individual consciousness forms anomalies in behavior which are permanently fixed and hardly transformed. Anomalies of such kind are the physical abuse and infliction of a bodily injury to a person. On the basis of it the author reveals the essence and specific characteristics of domestic violence, torture of women as deviant behavior among the Russian population of the second half of 19th – the beginning of the 20th centuries. Special attention is paid to the society's attitude to this phenomenon from the point of view of the family law, legislative and social and legal innovations of the developing bourgeois society where the gender and class inequality remained. Male part of the population, showing physical and moral pressure, remained the dictator of a certain behavior model of a woman where she remained dependent, obedient and pleasing. The article analyzes reflection of the violence phenomenon on women of the Far East. On the basis of a number of sources the author points out peculiarities of demonstration of this phenomenon which are characteristic for the population of the Russian Empire, analyzes the attitude of women to personal wellbeing and health from a position of the victim. The article shows increase in number of cases of violence performed to women in peasant community for a number of social reasons in this class. It is shown that under certain conditions violence becomes a norm, an ordinary phenomenon of everyday life, and in this region its distribution is defined by characteristics of a specific society or culture.

Keywords: woman; society; punishment; domestic violence; social values; valuable orientations; deviant behavior; marriage; legislation.